

Борис Пастухов

Первый секретарь
ЦК ВЛКСМ

О самом близком и дорогом

Детство и война. Москва, первые бомбежки. Эвакуация. Папина «похоронка». Большой московский двор в Замоскворечье. Трудное и радостное взросление, метростроевский пионерлагерь, школа, спорт, друзья.

А потом МВТУ — Московское высшее техническое училище имени Н.Э. Баумана. Суровая, но веселая студенческая жизнь в этом замечательном коллективе.

Потом большая и лучшая часть моей жизни — Ленинский комсомол, которому я обязан всем — друзьями и товарищами, многих из которых уже нет на этом свете. Это было прекрасное время, в котором жили талантливые и целеустремленные люди, это было время великих свершений многомиллионного Коммунистического союза молодежи.

Сколько людей, так же, как и я, могут взволнованно повторить: «Един-

ственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положиться!»

Часто вспоминаю слова Юрия Алексеевича Гагарина, сказанные перед его стартом в космос: «Вся жизнь моя кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением». Вот и моя жизнь в комсомоле тоже кажется мне одним прекрасным мгновением.

... Беседа в генсековском кабинете Юрия Владимировича Андропова. Долгая, отеческая... «Знаешь что, Борис Николаевич, не надо тебе сейчас переходить на партийную работу. Займись какими-то интересными делами, связанными с народным хозяйством. Вот, например, мы могли бы рекомендовать тебя председателем Госкомиздата нашей страны. Там все — идеология, книжное производство, газеты, торговля полиграфической продукцией, совершенно новый мир, как будто специально для тебя. А вот повторять путь своих предшественников, коллег по комсомолу, не советую».

Потом... дипломатическая работа. Дания. Афганистан. Тревожные дни, когда Советская армия уже покинула Афганистан, и судьба республики висела на волоске. Небольшой, сокращенный сверх меры коллектив посольства, который старался изо всех сил. Незабываемые встречи с президентом Афганистана Наджибуллой, жизнью которого так подло и так бесчеловечно распорядились пакистанская разведка и талибы.

Возвращение в СССР... Министерство иностранных дел, Госу-

дарственная дума и, наконец, Торгово-промышленная палата...

Что такое судьба человека?

В течение жизни я много раз задавал себе этот вопрос.

И в каждом возрасте отвечал на него по-разному. В детстве я думал, что смысл жизни состоит в том, что я расту, становлюсь сильнее, умнее и грамотнее, и, как только стану взрослым, смогу сделать что-то большое и важное, чтобы все люди узнали обо мне.

Ну вот я стал почти взрослым (мне исполнилось 18 лет), и я был убежден, что наступило время великих дел.

Я поспешил. Так часто бывает в молодости.

Когда нам выдали аттестаты зрелости, группа наших ребят поехала на Бауманскую, и я с ними. Сначала зашли в Строительный институт. Но там нам как-то не понравилось. До Энергетического надо было ехать на трамвае, а до Бауманского училища пешком по переулочкам — совсем недалеко. Пришли в МВТУ. Там душевная обстановка, сплошное внимание, любезность. У кого что ни спросишь, все объяснят, расскажут и покажут. Я решил дальше никуда не ходить. А что касается специальности, то записался на первый факультет и на первую специальность. Чего выбирать, раз первая — значит, самая лучшая. Так как у меня была серебряная медаль, то мне предстояло пройти только собеседование.

Хотя и про собеседование тоже ходило множество легенд.

Вызвали меня. Зашел в кабинет. Спросили:

— Борис Николаевич Пастухов — это вы?

— Да, я.

— Хотите учиться в МВТУ?

— Хочу.

— Вы зачислены. Желаем успеха! До свидания!

Это был механико-технологический факультет.

МВТУ подарило мне множество интересных людей, которых я встретил потом, когда был физоргом курса, членом бюро, заместителем секретаря комитета комсомола. Между прочим, я никогда не был первым секретарем комитета комсомола МВТУ. Считаю, что это справедливо, потому что там были люди более достойные и более сильные, чем ваш покорный слуга.

После окончания МВТУ имени Н.Э. Баумана я начал работу в Бауманском райкоме комсомола.

Очень не хотелось мне идти на эту работу. Помнится, на бюро Бауманского райкома партии я отказывался, сколько мог, когда рассматривалось назначение меня вторым секретарем райкома комсомола. В самом начале держался я весьма независимо и, может быть, даже чуточку нахально. Но вот за длинным столом бюро райкома поднялся Александр Васильевич Афанасьев, председатель нашего Бауманского райиспол-

кома. Огромный детина, он вышел из московских ломовых извозчиков. Ударив по столу своим могучим кулачищем, да так, что подпрыгнул не только чернильный прибор председательствующего, но и сам наш ведущий, рявкнул: «Исключить из партии этого нахального молокососа!!!» Я, естественно, дал задний ход, и утверждение состоялось.

Началась моя райкомовская жизнь. В ней было всякое: и радости, и огорчения. Не было только равнодушия, уныния. И еще на работе в райкоме никогда не было выпивок, сплетен за спиной. А тот памятный агитационный прием А.В. Афанасьева я и сам использовал не однажды, когда надо было «кадрить» в райком Ольгу Грекову, Валерия Жарова и некоторых других. Мы жили одной дружной семьей. Замечательные ребята Саша Набюлин — слесарь-сборщик авиационного опытного завода, Наташа Бондарчик — из работающих пионервожатых, Стас Гавриленко — инженер, Алик Алхимович — воспитатель строительного общежития, и другие, чьи имена и образы бережно хранит моя память.

Или вот такой эпизод. 1958 год. Последнее воскресенье июня было объявлено Днем советской молодежи — крупнейший молодежный праздник в истории страны и, конечно же, каждого московского района. Мы решили удивить всех массовым шествием молодежи от райкома

на Новой Басманной до стадиона «Строитель»: колонны с оркестрами, представители комсомольских организаций района с флагами, да и все желающие. Впереди колонны для участия в матче с рабочей командой района должны были идти — в спортивной форме, с медалями и значками мастеров и заслуженных мастеров спорта, — футболисты «Спартака», многие из которых совсем недавно стали олимпийскими чемпионами (в «Спартаке» их было около десятка).

В райком комсомола были приглашены старший тренер «Спартака» Николай Петрович Старостин, капитан команды Никита Симонян и комсорг Игорь Нетто, великие имена которых до сих пор на слуху у настоящих болельщиков.

Беседуем в райкоме, а разговор не клеится. Выходной день, лето, а тут надо идти в трусах и майках на стадион, а там еще два тайма по 45 минут после митинга гонять мячик с работягами. Нет, это не для великих мастеров «Спартака»! Чувствую такое настроение и спрашиваю:

— Друзья, ну, вы как?

— Нет, мы не можем, — говорит Старостин, — у нас запланирован выезд в Красногорск — коммерческий матч, немножко заработаем и отдохнем. Где же вы были раньше?

— Адресуйте этот вопрос к советской власти, к ЦК КПСС (это они учредили День молодежи), — отвечаю я и обращаюсь к Нетто: — Но, имей в виду, никакой помощи от райкома, никаких характеристик вам не

будет, если вы сорвете нам праздник. Думайте, размышляйте, дорогие друзья!

После этого короткого и бурного разговора Николай Петрович, как старейшина, самый уважаемый спартаковский деятель, говорит:

— Ладно, мы согласны.

И в воскресенье Новую Басманную заполнили частные автомобили «спартаковских» мастеров, в которых они переодевались из гражданских костюмов в спортивную форму. При каждом мастере был мальчик-адъютант с чемоданчиком, из которого извлекались медали, в том числе золотые чемпионские Советского Союза и Олимпийских игр. Народу на Басманной и на стадионе, понятное дело, видимо-невидимо. Первый тайм «Спартак» без труда выигрывает 3:0.

В перерыве в раздевалке я обращаюсь к Старостину:

— Николай Петрович, вы что, решили испортить праздник? Это же не сборная Югославии, а наша районная рабочая команда, ориентируйтесь (виноват, конечно, понимаю, что заслуживаю глубочайшего осуждения, как организатор «договорняка» — договорного матча, но ведь это было не первенство страны, а массовый молодежный праздник).

— Ладно, сделаем все, как надо, товарищ секретарь, — пообещал Старостин.

Матч закончился со счетом 3:3. Все были по-настоящему счастливы...

Мы влюбились тогда в этих замечательных мастеров и хороших лю-

*Члены Бюро
ЦК ВЛКСМ
на Северном флоте.
Слева —
Валентина Матвиенко,
справа —
Людмила Швецова*

дей. Дружили, и сейчас дружим с теми, кто еще на этом свете, а весь райком стал коллективным болельщиком московского «Спартака».

Жизнь продолжается. Новая Басманная жива и никогда не будет забыта.

Колпачный переулок, дом 5 — здесь располагался Московский гор-

ком комсомола. И это еще один узловым момент моей жизни.

Уникальный особняк, да и само это место очень заметное — в центре Москвы, рядом Покровские ворота.

Из этого здания вышло много известных людей, судьбами которых жизнь распорядилась весьма причудливым образом.

Так что, когда я произношу: «Колпачный, дом пять», — столько всего поднимается в моей душе... и среди первых вспоминаю Олега Кутафина — секретаря комитета комсомола МГУ, а позже ректора юридической академии.

Мы с ним многие годы вместе работали и дружили.

Его умение проникнуть в суть обсуждаемого, почувствовать остроту в обычных, казалось бы, делах, организовать и повести за собой товарищи ценили очень высоко. Олега отличали и чувство юмора, и внимание к людям, особенно когда рассматривались непростые персональные дела комсомольцев.

За комсомольским секретарем Московского университета стояли большие и интересные дела. А спустя годы, когда Олег был уже маститым ученым и ректором престижного вуза Олегом Емельяновичем, он оставался таким же простым, открытым и доброжелательным, всегда откликнувшимся на беду, товарищеские просьбы, кого бы это ни касалось, внимательным к памяти друзей. Примеров тому не счесть. Но при этом всегда был строгим и принципиальным, особенно когда кто-то хлопотал не по делу за свое чадом.

Олега отличала удивительная работоспособность. Из-под пера академика Кутафина одна за другой появлялись серьезные научные статьи, умные книги. Он постоянно был окружен своими учениками, аспирантами и докторантами.

Я как-то спросил его: «Как ты все это успеваешь?» Ответ был простым и спокойным: «А ты попробуй в день написать хотя бы одну страницу, если сможешь, к концу года книга получится». Эти страницы стали его постоянными спутниками. Его мысль не знала выходных.

Не могу не вспомнить и великого космонавта Юрия Алексеевича Гагарина. Когда я думаю о нем, то сразу вижу ликующую апрельскую Москву 1961 года. В столицу после своего исторического полета — первого полета человека в космос — возвращается Юрий Гагарин.

Мы с моим самым близким другом, секретарем Московского горкома комсомола Виктором Евлановым, — в толпе встречающих на Внуковском аэродроме.

Полдень. В небе появляется четырехмоторный «Ил-18» в сопровождении эскорта истребителей «МиГ».

Самолет совершает посадку, подруливает к месту торжественной встречи. Подается трап, раскатывается красная ковровая дорожка к трибуне, где собрались руководители партии, государства, родные и близкие Юрия Алексеевича.

Первый космонавт спускается по трапу. Уверенная быстрая походка. Бодрая музыка марша: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Короткий рапорт Гагарина Никите Сергеевичу Хрущеву: «...задание партии и правительства выполнено!» Объятия, поздравления, цветы.

Выбегаем с Евлановым на стоянку к своему автомобилю и мчимся в Москву к Красной площади, где должна была проходить торжественная встреча первого космонавта Земли.

Когда на трибуне мавзолея появляются Юрий Гагарин и руководители партии, вся площадь, переполненная людьми, взрывается бурей восторженных оваций. Даже потом, когда митинг уже завершился и почетные гости перешли в Кремлевский дворец, народ на Красную площадь все прибывал и прибывал.

Московскому горкому комсомола было поручено участвовать в охране общественного порядка. Все комсомольские оперативные отряды мобилизованы, наши ребята на площади, и мы пытаемся как-то организовать и направить этот поток — но что тут можно сделать?! Например, с этими «сумасшедшими» студентами Московского авиационного института, в руках у которых самодельные плакаты — «Наш в космосе!», и которые восторженно скандируют: «Гагарину — слава! Гагарину — ура!»

Мы стоим у Спасской башни, прижатые к ней, как к высокому берегу бурным потоком нескончаемой людской реки. Однако эта человеческая река не выходит из берегов порядка и придерживается какой-то внутренней дисциплины, хотя плотность толпы превосходит все, что можно себе вообразить. Пожалуй, никогда больше мне не приходилось так остро и так ярко переживать волну-

ющее участие в великом, без всякого преувеличения, народном торжестве. Никогда потом меня не переполняло такое чувство гордости за страну, свой народ, за этого чудесного старшего лейтенанта Юрия Гагарина.

Вот он — простой русский парень, поднявшийся в космос на крыльях своей страны, своего народа! И как же он сразу приподнял всех нас над обыденностью жизни, над привычными человеческими заботами. Все мы, собравшиеся тогда на Красной площади, да что там на площади, все люди нашей огромной страны чувствовали себя немного космонавтами. Это был наш общий народный праздник.

А потом было наше общее горе...

Ранняя весна 1968 года. Поздний вечер. Захожу в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ Павлова (замечу, одного из самых близких друзей Юрия Гагарина), Сергей Павлович взволнованно ходит по кабинету. Спрашиваю, в чем причина его тревожного настроения. Он показывает на ярко освещенные окна Центрального комитета партии, большинство из которых в такое время обычно уже темны. «Что-то произошло. Никто ничего не говорит. Произошло что-то очень плохое, неужели с Юрой... чует мое сердце!» — говорит Павлов.

А утром радио и телевидение передали скорбную весть о гибели Ю.А. Гагарина и летчика-инструктора полковника В.С. Серегина

С Ю.А. Гагариным

в авиационной катастрофе во время тренировочного полета.

...Зима 1964 года. Уникальная подводная лодка «Комсомолец» возвращалась из трудного похода. В Баренцевом море, совсем недалеко от родной базы, произошла беда — на лодке случился серьезный пожар. Семь молодых добровольцев шагнули в зону смертельной радиации, чтобы устранить возгорание. Ребята делали все возможное для спасения лодки, товарищей... ценой собственной жизни.

Центральный комитет партии принял решение послать для встречи экипажа и прощания с погибшими героями члена ЦК ВЛКСМ космо-

навта Юрия Гагарина и секретаря ЦК Бориса Пастухова.

Встречаемся в аэропорту «Внуково». Сильнейший снегопад. Взлетную полосу не успевают расчищать. «Летим все равно», — решительно произносит Юрий Алексеевич.

Небо над Мурманском также затянуто плотными облаками. Пурга. Гагарин в кабине пилотов. Спокойный, уверенный. Подбадривает экипаж, который в сложнейших условиях профессионально выполняет свое дело.

Садимся почти вслепую. И когда снежная пелена чуть-чуть уменьшается, видим, что самолет наш — рейсовый, пассажирский «Илюшин»,

всего несколько метров не докатился до построек в конце взлетно-посадочной полосы. Пилоты, промокая платками вспотевшие лбы, поздравляют друг друга (и нас) с удачной посадкой.

Для Юрия Алексеевича готова расписанная по часам программа, но он просит начать с небольшого военного гарнизона неподалеку от Мурманска, где он когда-то начинал службу в морской авиации. После встречи с друзьями-однополчанами Юрий Алексеевич отправился на гарнизонное кладбище и постоял у могил своих сослуживцев, не доживших до этой встречи.

Утром следующего дня выезжаем на базу атомных подводных лодок.

В бухту медленно, «самым малым», как говорят моряки, входит атомная подводная лодка «Комсомолец». Флаг приспущен, что означает — на борту потери. Лодка швартуется.

После рапортов и короткого знакомства с экипажем мы начинаем обход квартир моряков, которые погибли в этом походе. Семь встреч. Слезы, великое горе, где найти слова утешения?! Но каждый раз, заходя к очередной семье, которую постигло горе, Юрий Алексеевич находит слова, какие-то свои особые, неповторяющиеся, идущие из глубины души. Нет сомнения, что сказанное им останется в памяти и сердцах этих людей навсегда.

Потом начинается встреча с личным составом атомного подводного

корабля, вручение переходящего Красного знамени ЦК ВЛКСМ экипажу, который завоевал его, проявив мужество и героизм. После этого — выход в море на лодке такого же проекта, что и «Комсомолец». Погружение, плавание в подводном положении, встречи в отсеках с моряками, всплытие и возвращение на базу.

Возвращались в Москву на самолете командующего Северным флотом, вместе с членом военного совета, которого вызвали на совещание Генштаба. Приземляемся на знаменитом Чкаловском аэродроме, и тут Юрий Алексеевич приглашает нас с адмиралом к себе домой.

Жил он в большом кирпичном доме гарнизона авиационной дивизии на Чкаловской. Простая удобная квартира. Теплая сердечная семейная обстановка. Валентина Ивановна Гагарина, супруга Юрия Алексеевича, радостно встречает любимого мужа и нежданно нагрянувших гостей. У отца на руках маленькая дочурка, она буквально не отходит от папы. Ей, вместе с матерью, предстоит пережить трагедию гибели отца, и она запомнится всем по фотографиям с воспалившимися бороздками от слез на щеках. (Эта удивительно похожая на своих родителей девочка получила университетское образование, превратилась в красивую молодую женщину и стала руководителем уникальных музеев Кремля.)

Уже потом будет построен Звездный городок, и сколько бы раз мне ни приходилось ехать в Щелково или в Звездный, никогда не изменяю одной традиции — всегда остаиваюсь, чтобы посмотреть на окна того самого дома, в котором когда-то были гостями семьи Гагариных.

Мы дома часто вспоминаем, как в комсомольскую бытность сражались по выходным дням на волейбольных или хоккейных площадках. Каким азартным, неудержимым в игре был Юрий Алексеевич, и очень не любил проигрывать. Но если его команда выигрывала, следующую партию он играл уже за другую команду — проигравшую. Он не любил проигрывать ни в жизни, ни на работе, но и легких побед не признавал.

Юрия Алексеевича связывала крепкая дружба с Сергеем Павловым. Такой дружбе можно было радостно удивляться или завидовать.

Два настоящих мужика, оба «русаки» — один смоленский, другой тверской. Оба открытые, увлекающиеся люди, жадные до жизни во всех ее проявлениях.

Оба сравнительно рано ушли из жизни, как будто одному без другого было тоскливо на этом свете.

Я рассматривал Сергея Павловича Павлова как бы снизу вверх, как первый секретарь Московско-

го горкома — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и «немного сбоку», когда сам был избран секретарем ЦК комсомола.

Это была крупная, яркая фигура, самородок, настоящая глыба.

Родом Сергей Павлович из Ржева, из простой трудовой семьи.

Сергей не имел высшего образования — его, студента института физкультуры, избрали секретарем Красногвардейского РК ВЛКСМ, — но обладал широкими знаниями. Меня всегда поражали в нем природный ум, редкостная интуиция и работоспособность. Он был человеком твердого характера, не терпящим лжи, всякого рода «заспанных» разговоров, и при этом чрезвычайно азартным, заводным и любил верховодить. Совершенно не мог (как и его друг Юрий Гагарин) уступать кому-либо на волейбольной площадке, в бильярдной, да и в жизни вообще. Чувство высокого достоинства никогда не оставляло его. В поведении, в разговорах перед начальством держался спокойно, уверенно. В этом мне приходилось убеждаться не однажды.

СП, так звали между собой Павлова работники ЦК, не мог не нравиться. Светловолосый, с голубыми глазами, открытым улыбчивым лицом. На него засматривались. Его любили вожди. По общему мнению, Павлова ожидала большая карьера.

Но судьба бывает иногда злодейкой.

В 1964 году Н.С. Хрущев был отправлен в отставку. А вскоре после этого Павлов был выдвинут руководителем Спорткомитета СССР, вроде бы логично, бывший спортсмен, но все понимали, что это тоже соега рода отставка.

И сразу — Олимпийские игры в Мексике, где слабо подготовленная сборная СССР потерпела поражение. А потом были годы напряженной работы, когда в полной мере раскрылся организационный и человеческий талант Сергея Павловича. Наступило великое время триумфа советского спорта.

Павлов продолжал упорно работать над собой. Он считал, что на своей работе (в Спорткомитете) должен обязательно иметь высшее физкультурное образование, поэтому честно окончил институт физкультуры и, сдав все экзамены и зачеты, получил диплом.

С Сергеем Павловичем у нас никогда не было особо близких отношений. Однако я должен сказать об этом человеке, что он не боялся принимать удары на себя и никогда своих не сдавал. Для тех времен это было редкое качество, требующее большого мужества.

В 1968 году на место Павлова пришел Евгений Михайлович Тяжелников, и только в 1977 году первым секретарем ЦК ВЛКСМ избрали меня.

Навсегда останется в моей памяти самый улыбчивый, веселый,

умный и тонкий среди нас — Володя Житенев.

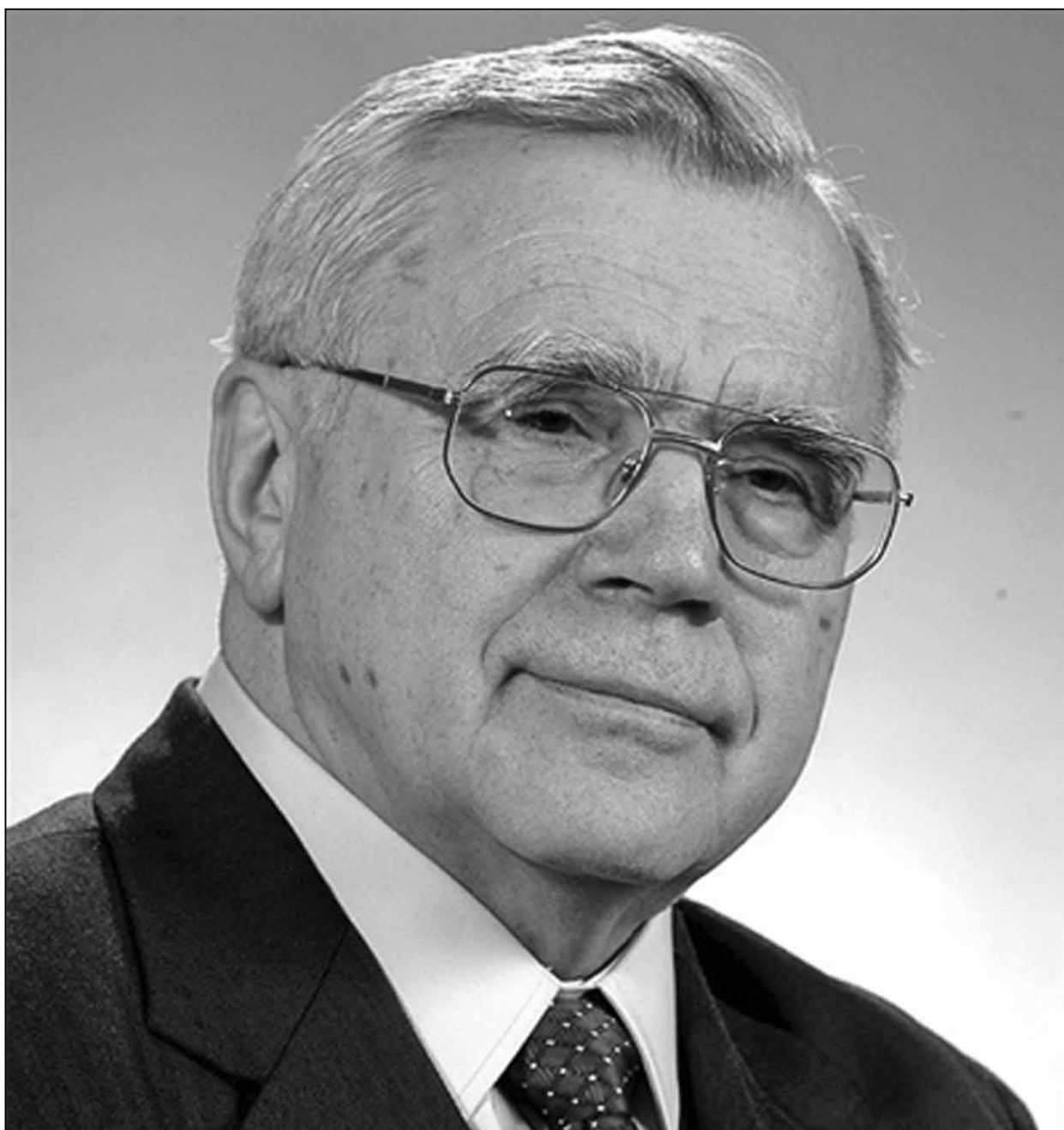
Секретарь ЦК, отвечающий за студенческий комсомол, за работу среди научной молодежи. Его как будто специально для этого сформировало время, вылепила жизнь.

За плечами Уральский политехнический институт, пожалуй, там он открылся по-настоящему как вожак молодежи: ему верили, за ним шли. Учился легко, трудиться умел — уральская косточка, рабочая закалка проявлялась во всем.

Что бы ни «плели» сегодня некоторые политологи и журналисты о периоде 1960–1980-х годов, мы-то знаем, что время нашей молодости было искренним временем, мы жили и работали много и честно. Должности в комсомоле не раздавались по знакомству или «за красивые глаза». Авторитет среди молодежи надо было заслужить, и не столько речами, сколько делами.

Высокий, красивый, с бьющей через край энергией, Володя быстро вошел в круг своих непосредственных обязанностей. Между вузовскими коллективами, столичными и периферийными, между руководством Министерства высшего образования и ЦК комсомола установились по-настоящему деловые, уважительные отношения.

Много замечательных дел началось тогда, и вузовцами они подхватывались горячо, самозабвенно. Участие в ударном комсомольском

строительстве, студенческие строительные отряды. Да, ехали и зарабатывать, и приодеться, но главным было — патриотический порыв, стремление оставить свой след на земле, пусть это будет детский сад, сельский клуб или одноэтажный коровник, жилье и промзона в городе Гагарине. Ощущение, что это

построил именно ты, — замечательное чувство! Молодежь поднимала ударные стройки, а они формировали, воспитывали ее. Сколько замечательных людей нашей Родины поднялось, выросло на тех дрожжах.

Владимир Андреевич Житенев многое сделал, чтобы набрала вы-

соту работа среди научной молодежи. Евгений Павлович Велихов, Геннадий Андреевич Месяц — сколько еще можно назвать имен выдающихся ученых, которые прошли через Совет по научной работе среди молодежи. А как не вспомнить жесткие, профессиональные конкурсы отбора кандидатов на звание лауреата премии Ленинского комсомола. И в высокой науке Житенева воспринимали серьезно.

Володя был принципиальным, храбрым человеком. Он всегда имел собственное мнение, свою точку зрения, не боялся высказывать ее. А это непросто, такое зачастую не прощается.

Жизнь не всегда была справедлива к нему, ломала его, но сломить до конца не смогла.

Он умел дружить и ценил дружбу. Еще и поэтому мы будем помнить его всегда.

Жизнерадостным, красивым, рослым, молодым он и сегодня предстает перед нами. Навсегда молодой, навсегда комсомолец!

Невозможно не рассказать еще об одном удивительном человеке, личности, масштаб которой время умалить не может, — это Валерий Васильевич Сухорадо.

Только такой человек мог написать прекрасный текст песни о комсомоле, который был положен на музыку и стал своеобразным гимном ВЛКСМ.

Валерий был настоящим комсомольцем — убежденным, бесконечно влюбленным в жизнь, в дело, которым приходилось заниматься в разные периоды его недлинной, но яркой жизни. Теперь уже и не скажешь, что же было его настоящим призванием — авиационно-ракетная инженерия или художественное творчество? Нет, пожалуй, все-таки комсомольская работа, работа с людьми.

Яркий и самобытный след оставил Валерий Сухорадо как руководитель московской областной комсомольской организации, заведующий отделом культуры ЦК комсомола. ЦК ВЛКСМ, комсомолу повезло в том, что возглавил этот чрезвычайно важный участок человек, внутренне подготовленный и влюбленный в работу по культурному строительству среди молодежи.

Велико было обаяние личности Валерия. Он, словно магнит, притягивал к себе. Всех располагали его сердечность, обворожительная веселая улыбка, чувство юмора, самоирония.

Помнится, получив предложение от Министерства культуры возглавить фирму «Мелодия», Валерий пришел советоваться. Было ясно, что для себя он уже все решил. Но в ответ на наше «комсомольское благословение»: «это важно, это нужно молодежи, иди», — радостно улыбнулся.

Это было его дело. И работал он там много и увлеченно.

«Лежащая на боку» фирма буквально воскресла. Никогда не забудется, как Валерий, когда все рушилось в нашей стране, спас от расхищения бесценный музыкальный фонд «Мелодии».

Все располагало в Валерии Сухорадо к дружбе. К нему тянулись и люди творческие, и наш брат комсомольский активист. Помню, как в непростые для меня дни сборов на дипслужбу в Данию позвонил Валерий. Мы встретились в «Мелодии», и он передал мне несколько кассет с любимой музыкой и песнями. Потом эти мелодии согревали нам душу за границей.

Валерий Васильевич заболел. Он мужественно боролся с тяжелым недугом. Но болезнь победила...

Когда вспоминаю о нем, всегда внутренне повторяю слова одной из замечательных пахмутовских песен о Юрии Гагарине: «Знаете, каким он парнем был...» Да, я знаю. И никогда не забуду.

Ушел от нас молодым и Сережа Купреев. Большая, светлая, яркая, талантливая личность, настоящий человек-вещице. Он славно жил, много и честно работал, любил людей, детвору, любил жизнь. И трагически погиб...

Порывистый, энергичный. Я совершенно убежден, что он навсегда остался бы молодым, как бы много лет не было ему отпущено судьбой.

Никогда не забудутся его светлая улыбка, глаза, широко распахнутые

миру, его юношеская, детская открытость и чрезвычайный интерес, с которым он воспринимал людей и мир вокруг себя.

Вспоминаю свой первый прилет в командировку в МИД из Афганистана. Военно-транспортный самолет приземляется, вырубивает на специальную стоянку в Шереметьево. Медленно опускается задняя аппарель «Ил-76», и на кромке ее стоит громадный мужчина в генеральской шинели, папахе и сапогах, с пятью зимними гвоздичками в руке. Вот таким заботливым и нежным он был всегда.

Сережу, Сергея, Сергея Александровича любили. Никогда не забуду огромную очередь в клуб МВД на прощание с ним. Так на моей памяти — ни до, ни после — не провожали никого. Люди шли и шли, не мобилизованные какими-то разрядками райкома или райисполкома, шли, потому что в Москве его знали и любили многие.

Прошло много лет после кончины Сергея, но в каждый его очередной день рождения и в день гибели могила на Кунцевском кладбище покрывается цветочным ковром, десятки людей приходят снова и снова, чтобы поклониться памяти этого светлого человека.

Как-то однажды я был в его райкомовском кабинете в новом здании на Разгуляе. Меня впечатлил тогда не солидный кабинет, не большой письменный стол первого се-

кретаря, а ряд бумажных квадратиков на столе с фамилиями, именами, какими-то памятными заметками — это все те, кому надо было что-то сделать, похлопотать. Эту «мозаику» он всегда держал перед собой, вернее сказать, в поле своего зрения. За каждым бумажным квадратиком был человек, которому Сережа должен был помочь и помогал. Квадратиков становилось то больше, то меньше, но они никогда не исчезали совсем с рабочего места первого секретаря.

Человек гордый, азартный, он не любил проигрывать ни в спорте, ни в жизни. Фанатично любил теннис, неплохо играл, хотя травмированное колено постоянно вызывало боль и мешало двигаться так, как ему хотелось бы. Все компенсировал азарт. Азарт во всем. Это передать трудно и забыть невозможно.

Все мы — бауманцы, кто по учебе в МВТУ имени Баумана, кто по месту работы в Бауманском районе, кто по какой-то другой комсомольской привязанности. Бауманцы бесконечно уважали и гордились своим первым секретарем. Он был лучшим среди нас. Бауманцем с большой буквы.

Сегодня многое не просто в нашей жизни, но Россия поднимается с колен. Постепенно налаживаются дела в экономике, в народном хозяйстве, но бюрократии, аморальщины, коррупции — всего того, против чего решительно бился Сергей

Купреев, увы, не становится заметно меньше.

Ничего не вычеркнешь из своей жизни, из жизни своего государства. Греет это душу или нет, но это наша история. Мы, сегодняшние, все вышли оттуда.

Для многих миллионов людей, которые прошли через комсомол, он был стартовой площадкой в большую жизнь.

Но чувство неудовлетворенности не оставляет. О многих и многих я все-таки не успел написать...

Валерий Беянинов, Леня Карав — друзья мои с детства и на всю жизнь.

Иосиф Кобзон, Виктор и Галина Беседины — без которых не будет полон мой театральнй роман.

Комсомольские друзья и товарищи теперь уже до конца моих дней: Аркадий Сосин, Людмила Швецова, Рахман Везиров, Тамара Куценко, Жиули Шартава, Игорь Ильинский, Володя Ситцов, Альберт Лиханов, Виталий Игнатенко, Гриша Зайцев — да всех и не назвать.

Мидовцы: Б.Н. Чаплин, С.А. Рябков, И.С. Савольский, А.А. Куприянов, Ю.А. Прошин, А.Е. Сафонов, В.Г. Комплектов.

Афганцы: Саша Катенев — он был первым президентом Союза воинов-афганцев, Геннадий Елисеев, Левон Саакян, Виталий Малахов и многие другие, кому я обязан всем добрым, что было в моей жизни. □